

СВЕТОТЕНИ

наши гости

МОСКОВСКИЕ гастроль Венгерского камерного балета возбудили несомненный интерес зрителей. Вокруг спектаклей молодого театра разгорелось немало споров и дискуссий. Театр этот итуший, формирующий свой репертуар. Он готов из серьезный риск ради благородного поиска своего пути, своего слова и искусства. Нельзя не заметить, что все в основном молодые актеры труппы верно и преданно следуют за своим руководителем Имре Эком и его экспериментах. В этом театре экспериментально все — репертуар, пластический язык, манера, стиль исполнения.

С очевидностью видишь, что мы являемся свидетелями лишь одного из первых этапов в жизни коллектива, наперное, многое в дальнейшем будет отвергнуто, отброшено, многое найдется, откроется заново.

Но серьезность всякого, самого смелого поиска в области хореографии предполагает прежде всего серьезность чисто профессиональной танцевальной подготовки. Дилетантизм никогда не служил и не может служить основой для утверждения каких-то новых устремлений в искусстве. Поэтому естественно, что нас заинтересовал процесс профессиональных будней театра, его каждодневного тренинга и учебы. Класс, который привелось наблюдать, убедил в подлинной самоотверженности и профессиональной серьезности молодого коллектива. Этот класс вела Ольга Васильевна Лепеннинская. И ее блистательная профессиональная эрудиция, энергия, увлеченность превратили обычные занятия в зрелище констину праздничное и поучительное. Точная продуманность каждого задания соединялась с вдохновенной динамикой, стремительным ритмом, подлинной музыкальностью класса.

На этом уроке мы убедились в способности труппы работать самозабвенно и преданно. Эта преданность искусству, своему делу насыщает все показанные спектакли особым темпераментом, увлеченностью, которая не может не вызывать уважения. Вот об этом-то хочется сказать в первую очередь. Можно о многом спорить с молодым театром, но нельзя не уважать его целеустремленности.

Имре Эк отвергает, решительно отвергает канонические формы классического танца. Он ищет свой язык, подчеркивает графический, прерывистый и острый, как речь предельно взволнованного человека. Его интересуют психологические кульминации, излом, метания и взлеты ищущей человеческой души. Он слишком экспрес-

сивен для того, чтобы быть терпеливым исследователем психологии. В его хореолиниях нет законченной плавности, классической непрерывности и округлости форм. Первая угловатость делает его искусство напряженным и современным, но порой лишает мудрой веры во все лучшее и светлое, что живет в человеческом сердце. Трагическим и драматическим концепциям его произведений часто не хватает просветленности, веры в торжество и силу добра и света. Пожалуй, горько видеть, что борьба Прометея, похитившего у богов священный огонь, кончается праздным любопытством туристов в темных очках, танцующих нечто вроде твиста

Но порой трагическое ощущение жизни в балетах Эка становится почти болезненным, и тогда возникают образы жизни, как паутинки, которая засасывает человека, растерянного и омятенного в своих внутренних буждзаниях («Паутина» Ласло Гуяна). Именно тогда возникают туманность, неопределенность концепции такого балета, как «Концерт» (музыка Белы Бартока), в котором балетмейстер пытается создать сложную полифоническую партитуру танца. Смысл своей замечательной музыки сам Барток определил так: «Подлинная идея, руководящая мною, идея превращения народов в братьев, осуществление ее, вопреки всякой вражде и раздорам». Но, к сожалению, эта идея остается так и не раскрытой в балете, который воспринимается как несколько странный, надуманный, фантастический маскарад. Она действительно можно

ВЕНГЕРСКОГО

у обломков древних статуй. Ирония и скепсис здесь почти трагичны. И, пожалуй, они так мало сочетаются с классическим величавой и ясной музыкой Бетховена.

Молодой балетмейстер настойчиво стремится к острым философским коллизиям и темам, которые не могут не волновать своей современной остротой. Балет «Приказ» (музыка Виллама Буковин) показывает муки совести человека, обрушившего на мирный город несущую лютым гибель атомную бомбу. И здесь хореографический язык спектакля призван передать бред больного и воспаленного сознания, муку души, поправшей самым странным образом законы человечности. Эта же тема звучит в балете «Баллада ужаса» (музыка Шандора Соколан), в котором с большой образной силой показаны кошмары фашистских концентрационных лагерей.

Если в балете «Баллада ужаса» изображается героика борьбы людей и их свободы и счастья, то в спектакле «Вариации одной встречи» (музыка Тихамера Вуничича) показаны поиски этого простого человеческого счастья в обыденной, так сказать, повседневной жизни. Мелькание случайных, мимолетных, неуловимых встреч отступает перед встречей единственной, высокой, становящейся счастьем и судьбой двух людей. Трагически-экспрессивный пластический язык смеяется здесь танцем лирическим, поэтическим своей хрупкой недосказанностью. Трагичность катарсиса, насилия, жестокость как бы преодолеваются убежденным порывом человека к счастью и гармонии.

звучит только в одном удачном хореографическом дуэте, который выражает порыв человека к подвигам.

По-своему трактует И. Эк классическое произведение Бартока «Чудесный мандарин». Это своеобразная трагическая пантомима, в которой немало интересных режиссерских находок, динамичных мизансцен и деталей. И здесь звучит тема испуганной и неукротимой жажды счастья, любви, к которым жално тянутся руки умирающего мандарина. Роль эту талантливо исполняет сам Эк.

Имре Эк является не только балетмейстером, но и автором оформления многих спектаклей. И здесь есть некое единство. Черные, серые тона, лаконичные детали, изломанная острота линий, сумрачный и гнетущий колорит — все это создает тревожную,

драматически напряженную атмосферу действия.

Пожалуй, контрастом ко всем спектаклям является балет Шандора Тот «Что скрывает твоя шляпа?» (музыка Пожефа Квишечя). Этот балет буффонный, озорной, построенный на приемах пластической клоунады и эксцентрики. В нем немало выдумки, юмора, и он тоже встретил теплый прием публики. И нельзя не пожалеть, что в этом молодом театре так мало жизнереальности, озорства, молодой влюбленности в жизнь, в ее радости. Света, света не хватает во всем.

Всячески приветствуя поиски балетмейстером своего собственного своеобразного пластического языка, нельзя не отметить бедности и однообразия его танцевальных приемов. Композициям Имре Эка не хватает широты, полноты, изобретательности. Некоторые пластические формулы и движения наизыскиво повторяются во многих балетах, казалось бы, разных по теме и стилю. Думается, что молодому балетмейстеру принесло бы пользу более глубокое изучение классического танца, поиски более развитого, симфонически сложного построения композиции. Эти недостатки в пластическом почерке руководимой им труппы стали особенно очевидны после показа «Ballo concertante», в котором постановщик Антал Фодор претендует на чисто симфоническое развитие танцевальных тем, которые на поверку оказываются сухими и бедными в своей основе, передающими только ритмическую структуру музыки, а не ее настроение и содержание.

Молодой театр, несомненно, формирует и свой собственный стиль актерского исполнения. Пластическая точность, графическая четкость движений и жестов молодых актеров соединяется с почти «кинематографической» скупостью мимики, с тонким ощущением смысла танца. Балет Имре Эка силой своей ансамблевости, отсутствием подачи мастерства «звезд». Но и в этой строгой ансамблевости можно видеть талант и заразительность таких актеров, как Ференц Чифо, Эстер Ариа, Мария Брегус, Мария Аради, Янош Хетени, Габриелла Шиймац, Шандор Тот.

Можно понять стремление талантливого молодого балетмейстера Имре Эка и руководимого им коллектива

ТАНЦА

обращаться к самым острым, тревожным, трагическим проблемам жизни. Он не хочет ласкать глаз красотой, плавностью и нежностью танца, он не хочет уволить нас в мир поэтического воображения, в мир сказочно прекрасных героев, сюжетов. Он вызывает к союзу людей, к их разуму, а не успокаивает. Но насколько сильнее воздействовало бы это благородное стремление, если бы оно было более ясно соединено с утверждением и прославлением всего светлого, сильного и доброго, что есть в людях и в жизни.

Николай Эльяш.